

Литературный МОЯК

№ 7
(257)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

...Нет ничего случайного в этом мире - не случайны дождь, снег, вёдро, ураган или лёгкий ветерок...

Не случайны и все те, кто даны нам в нашу жизнь. Не случаен тот же Василий Шукшин, юбилей которого отмечался в июле, не случаен Валерий Гаврилин, юбилей которого отметим 17 августа. Не случаен Василий Белов, писавший вот так: «Ничто не происходит случайно. Случайно ли судьба Кубенского озера так прочно спаяна с историей нашей Родины? Разбилась о подводные камни в бурю княжеская ладья. Спаслись лишь несколько дружинников и сам князь. Этот случай дал название крохотному островку. Позднее островок окреп за счёт тяжких многопудовых валунов, привезённых русскими на лодках, а может быть, на плотах. Эти привезённые с берега громадные камни защитили на островке от волн несколько саженей сухой земли. На этой земле была срублена православная часовенка, давшая начало Спасо-Каменному монастырю. Первый каменный Преображенский собор, взорванный большевиками, поднялся в наших местах как раз на этом пятчке земли... Случайно ли вокруг Спас-Камня с тех пор по всем берегам длинного Кубенского озера поднялись десятки монастырей и храмов? Выстроен был в том числе и тот храм, где сподобился есть сиротскую кашу Валера Гаврилин - будущий композитор...»

Вы читали повесть Василия Белова «Голос, рождённый под Вологодой»? Рекомендую, прочтите!

«Судьбу музыканта Гаврилина можно сравнить с судьбой поэта Рубцова. Валерий Гаврилин и Николай Рубцов - оба плоть от плоти русской национальной культуры. Оба они соразмерны по таланту, сходство их личных судеб очевидно, и оно просто потрясает. Трагична была их жизнь и смерть...» - писал Белов. «С каждой избою и тучею, С громом, готовым упасть, Чувствую самую жгучую,

Самую смертную связь», - написал на века Рубцов. ...А мы ещё говорим - «плохая погода»...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

Дмитрий ЕРМАКОВ

Он пришёл дать нам волю

Наверное, в жизни каждого человека был момент первого соприкосновения с его творчеством, узнавания. Для кого-то это были его первые роли в кино: «Золотой эшелон», «Два Фёдора», его первые работы в качестве режиссёра: «Из Лебяжьего сообщества», «Живёт такой парень»... Кто-то открыл Шукшина сразу как писателя...

Я помню, как, учась в девятом классе, я впервые взял в библиотеке сборник рассказов Шукшина. И много раз, конечно, эти рассказы перечитывались...

Затем пришли его фильмы. Сначала запомнились «Печки-лавочки». Ну, и позже, но навсегда - «Калина красная» - вершина его творчества как режиссёра, сценариста, актёра...

Удивляет многогранность его таланта. Он ведь ещё и театральные пьесы писал, и романы...

Потрясающей силы роман о Степане Разине «Я пришёл дать вам волю», фильм по которому он мечтал снять и уже начал подготовительную работу, но не успел осуществить этот замысел...

Когда говоришь, думаешь о таких людях, как Шукшин, возникает мысль: «Чем он берёт за душу? Что в нём за тайная сила, что мы читаем и читаем его книги, смотрим и смотрим фильмы?»

Видимо, дело в том, что они, эти художники, проговаривают, показывают то, что касается каждого из нас, то, что является и нашей сутью - и говорят это так, как мы, может быть, и хотели бы сказать сами, но не можем. Они, эти люди, выразители нашего национального характера.

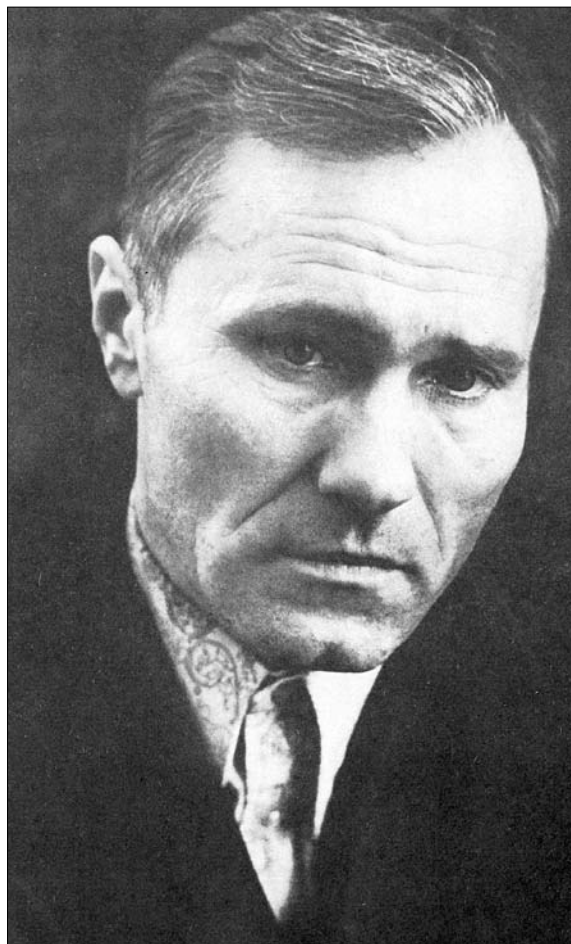
А лучшие из них, такие как Шукшин, не просто показывают, а и берут на себя наши тяготы, наши беды... Не зря свои воспоминания о Шукшине Василий Иванович Белов назвал «Тяжесть креста». Вот именно тяжкий крест на себя взвалил Шукшин, причём добровольно, и потащил. И вот его уже давно нет с нами, а кажется, что он всё так и тащит этот крест, и нам и сегодня с ним, с Шукшиным, живётся легче, потому что он у нас есть, потому что он по сей день берёт на себя часть наших тягот...

...Шукшин родом из алтайского села, отец его участвовал в 20-х годах в антисоветском восстании. Тогда, после подавления восстания, рядовых его участников простили, но в 30-е годы все они были арестованы и расстреляны.

Отчим, которого тепло вспоминал Василий Макарович, погиб на войне...

Василий Белов писал в воспоминаниях: «Судьбы наши до смешного похожи, ну, велика ли разница - его отец репрессирован, мой погиб под Смоленском...»

И дальше - обоим, и Белову, и Шукшину, надо было выучиться, из деревни вырваться, в городе пробыть среди более успешных житейски городских сверстников... Они ведь оба даже десятилетку уже после армии

Василий Макарович Шукшин

в вечерних школах заканчивали. Оба по стройкам и заводам поработали... Действительно, очень похожи их судьбы...

Но их судьбы похожи и на судьбы миллионов русских деревенских ребят, которых злая сила выдавливала с родной земли в города, где и пропадали многие из них, спивались по заводским общагам, «комсомольским» стройкам, или попадали в лагеря, как герой Шукшина Егор Прокудин.

А Шукшин и Белов, будто за всех этих ребят, не пропали, не спились, выжили и сумели сказать правду о русском человеке...

Есть у Шукшина сказка «До третьих петухов». Она была напечатана в журнале «Наш современник» уже после смерти Василия Макаровича. Её авторское название - «Ванька, смотри!» Более нейтральное название ей дал при публикации главный редактор «Нашего современника» Сергей Викулов... Дело там, если помните, происходит в библиотеке, ночью книжные герои ожидают. И вот герой русских сказок Иванушка-дурачок отправляется к «мудрецу» за справкой о том, что он умный. А с полки за ним наблюдает Илья Муромец. И каждый раз, когда Иванушку хотят обмануть - то Баба-яга с дочерью, то Змей Горыныч, то черти, Илья кричит ему: «Ванька, смотри!»

Это как наказ нам от Василия Макаровича - не верить всей этой нечисти. «Ванька, смотри!» - предупреждает нас Шукшин

всем своим творчеством, всей жизнью. Смотри, Ванька, не верь ворам и лжемудрцам... Не только предупреждает, но и показывает, что нам грозит, где нас могут обмануть и как надо этому противостоять.

Он будто бы за всех русских «Иванушек-дурачков» добывал эту «справку о том, что он умный», он будто бы за всех русских «Егоров Прокудиных» понёс на себе их горе, а потом и пулю принял от бандита Губошлёпа. Этот Губошлёп - вариант всё того же «мудреца», у которого Ванька справку выпрашивал. («А ты мне, Ваня, спляши, я тебе справочку и дам». И Ваня плачет и пляшет. «Эх, дорого ты мне, справочка, даёшься!» - приговаривает, а в это время черти монастырь захватывают... Правдивая сказка-то!)

Эти «мудрецы» и «губошлёпы» деревенских Иванов и Егоров ни умными, ни ворами не считают. Помните, Егор Прокудин Любе говорит: «Никем не могу быть, только вором!» Но Люба-то знает, чувствует сердцем, что никакой он не вор, а просто несчастный, добрый и честный деревенский мужик, которого вот так жестоко закрутила жизнь-судьба. И Губошлёп его вором не считает, он так и говорит после убийства: «Он человеком никогда не был, он мужик, а мужиков на Руси много». Но если для Любы, для её брата, для родителей «мужик» - это высшее звание, то для Губошлёпа мужик - это как бы и не человек. И для «мудреца», у которого Иван справку просил, не человек...

Противостоять этим «мудрецам» и учит нас Шукшин. И учит, между прочим, в этом противостоянии не обозлиться, не потерять душу живую (вспомните эпизод с матерью Егора), учит, что только на своей земле мы непобедимы. Там, в городах и за границах, обманут нас, обведут вокруг пальца. А вот на нашей земле что они могут, все эти бесы?.. Да, убил Егора Губошлёп, убил от страха и от зависти. Потому что понял, что всё, вот здесь - в поле, на пашне - его власть над Егором Прокудиным кончается, нет её.

Но не уходит от возмездия эта нечисть, Пётр, брат Любы, настигает их... Да, понятно, что ждёт его тоже тюрьма, но зло наказано, а человеком можно и нужно и в тюрьме оставаться. И что Петра Байкалова, который, между прочим, в немецком плену побывал, тюрьма не ломает - это уж точно...

Очень много сказал нам всем своим творчеством Василий Шукшин. Пусть не успел он снять фильм о Степане Разине - Разин уже есть и в рассказах, и в «Калине...» - как символ свободы, символ воли вольной. Я пришёл дать вам волю... Вот и надо нам, русским людям, суметь эту волю взять, а при этом ещё себя и других, как реальный Разин, не погубить. Этому тоже нас Шукшин учит.

Спасибо Василию Макаровичу. Будем помнить его!

В Вологодской областной библиотеке имени И. В. Бабушкина состоялась встреча с поэтом Ириной Кемаковой.

Приехала Ирина в Вологду, в общем-то, не для встречи с читателями: родных навещать, маме город показать, где сама-то уже бывала. И к поездке Ирина Леонидовна долго не готовилась: села в машину - и из своего Кречетова, что в Каргопольском районе, махнула к нам в Вологду... Триста километров, не бог весть какая даль - до Архангельска в два раза больше.

Лето же, когда еще исполнять неожиданные поэтические желания, как не солнечным июнем! Жара пока ещё желанна - намёрзлись все мы за зиму, вот и отогреваемся под ласковыми лучами.

Идея провести встречу поэта из Каргополя с вологодскими читателями родилась внезапно, всего дня за два-три до приезда Ирины. Если бы не библиотекарь Ирина Николаевна Трапезникова, не её организационные таланты и постоянная готовность помочь хорошему делу, - ничего бы не вышло. Так что гостя-каргополочка не в пустом зале стихи читала, а перед многочисленной публикой. Причем публикой подготовленной: Ирина Николаевна сумела собрать и поэтов, и журналистов, и филологов.

Ирина Кемакова - не чужой для вологжан человек. И потому, что живет она от нас не так уж далеко - еще в середине прошлого века её родные края входили в состав Вологодской губернии, и потому, что вологодские читатели встречали ее стихи в «Литературном маяке» и «Вологодском ЛАДЕ».

Свидание с поэтом

Андрей САЛЬНИКОВ

Вологжане были готовы слушать стихи, Ирина Леонидовна подготовилась слушателей со своими стихами знакомить: привезла не только папочку с текстами, но и флешку с презентацией. Каждое стихотворение сопровождалось иллюстрацией (это у автора такая привычка: предварять стихи картинками современных художников), а некоторые и музыкой: мы услышали несколько песен на стихи Ирины Кемаковой. С первых минут встречи в зале возникло напряжение совместной работы; а что, стихи воспринимать - это тоже труд, и серьезный.

- Я же училка, - улыбается Ирина Леонидовна после встречи, - у меня всё приготовлено: план урока, наглядные пособия...

Учитель Ирина Кемакова замечательный, мы это поняли. И позавидовали ее ученикам. Правда, в средней школе, где Ирина Леонидовна работает, сейчас учеников всего-то около 50. В одиннадцатом классе четверо ребят учатся, а в десятом - одна Полина... А ведь школа новая, оборудованная всем, чем надо. Так что привозят на занятия ребят со всей округи.

Школы деревенские стано-

вятся малолюдными, потому что ведь и деревни-то пустеют... Уже опустели. Об этом, конечно же, Ирина Кемакова тоже пишет - с болью, но без отчаяния. Есть у нее стихотворение «Челобитная деревня» - русская деревня обращается к барыне Москве: *Письмышко моё, прошу, прочти. Я рада, будто мать: тебя лелеют. А я слабею, без конца болею, Слепела, обезножела почти.*

Мать-деревня не жалуется, о скорбной своей жизни она говорит с легкой улыбкой:

*У нас же только летом и житьё,
Под солнцем прорастает
жизни семя -*

*Зимой тоска,
и за окошком темень,
На ощупь вьюга
белый саван шьёт.*

Поэт понимает, что времена изменились, но всё-таки наде-

ется, что деревня еще поживет, и просит у столицы помощи:

*Не будет больше так,
как было встарь,
Хотя стараюсь я
не падать духом.*

*Прошу тебя:
пришли моим старухам
На всю деревню
хоть один фонарь.*

Поэзия для души - то же солнышко, и семя жизни прорастает и под её животворным светом. Порой уж так на душе пасмурно, так беззвездно - а вспомнишь какую-нибудь строчку любимого поэта, и рассеется тьма, и отойдет тоска... И твердишь про себя дальше любимые издавна строки, и укрепляется в душе радость; не оттого, что стихи уж очень развеселые, - радость даёт близость к поэзии, созвучность твоей души мыслям и чувствам незнакомого человека, чаще всего и почившего давно. Мне, например, такое избавление от тягот душевных нередко приносило тютчевское: «Молчи, скрывайся, и таи...» Не столь уж и жизнерадостное стихотворение, а вот давало силы жить. Не веселило душу, а именно давало сил. Великий поэт поддерживал и меня, тень апостола Петра излечивала больных; так и тень раздумий Фёдора Ивановича, едва задев меня своим крылом, исцеляла от суетных, но тяжких переживаний.

Русская поэзия богата, и в ней немало драгоценностей, способных не только украсить жизнь читателя, но и укрепить

её. В ней не один Тютчев, конечно, или Пушкин. Можно говорить о животворности стихов и наших современников - Ольги Фокиной, например. Кстати, о ее духовном родстве с творчеством Ирины Кемаковой на встрече в библиотеке говорила дочь Ольги Фокиной, поэт и филолог Инга Никитина. Как и Ольга Александровна, Ирина Леонидовна не только горюет о судьбе деревни - она ей любит, ищет в ней жизненную опору. И находит!

НА СТРАСТНОЙ

*Опять на Страстной
зажиреют суглинки:
распутица
Смешает в растворе
и талую воду, и грязь.
У бани, осевшей,
на солнышке,
верба распустится,
Ночами отчаянно
с воздухом стылым борясь.*

*А снег ноздреват,
как кусок рафинада
искристого,
Что дед доставал из кармана
в крупинках махры.*

*И ждётся,
и в лучшее верится
искренне, истово,
И жизнь пробуждается
почкой из грубой коры.*

Ирина - поэт очень высокой степени искренности. В стихах она порой говорит о самом личном, и это не навязывание читателям/слушателям своих переживаний, это - столь же высокая степень доверия к ним. Поэт делится с читателями самым главным для себя - и болезненным, и радостным, и делает это отважно, с уверенностью, что найдёт сочувствие и понимание. Ведь к родным обращается, не к чужим...

ГРОЗА ***

В мареве зыбком качались дремотные дали -
Жаркое солнце тянуло последнюю влагу.
Ласточки низко над самой землёю летали,
«Пить!» - кулики умоляли в траве у оврага.

И напросили! Огромное чудище-туча
Бок показало лиловый над крышей сарая.
Гром прокатился гремящей каретой с кручи,
Молнии резали небо от края до края.

Туча живот распоролла о крест колокольни,
Вздрыгнула нервенной лошадей,
сбросившей сбрую.
Плакало чудище, будто ребёнок, от боли:
Хлынули слёзы на землю -
кристальные струи.

***

Добрый хозяин из дома в ненастную пору
Пса не прогонит -
зачем я одна на грунтовке?
Гром не смогли заглушить
даже звуки мотора -

Кто-то по крыше машины палил из винтовки,
Из пулемёта строчил,
бронбойными жарил.

Дворники с мощным потоком воды не справлялись.
С задних сидений полезли мерзевшие твари -
Страхи сковали всё тело,
отвратно смеялись.

Встала машина - да только не вышло стоянки:
Мутным потоком, казалось, как пёрышко, смоем
В бездну меня на кораблике - лёгкой жестянке.
Берег исчез.
Беспросветная мгла за кормою.

***

Ливень внезапно закончился.
Вдоволь полплавав,
Туча ушла, напоследок кидая шутихи.
Листья и травы, покрытые солнечным лаком,
В робких лучах засверкали,
и стало так тихо,

Так безмятежно, что спрятались чёрные мысли,
Страх отпустил, будто смытый потоком осадок.
Мир во всю ширь распахнулся,
над лесом повисли
Два расписных коромысла
сияющих радуг.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ МАМЕ

Бледный месяц тонким коготком
Зацепился за верхушку ёлки.
Белой ночью так светло кругом,
Что в стогу отыщется иголка.

Ирина КЕМАКОВА

Душа хранит

У окна гнусавет комары,
Коростель скрипит в лугах медвяных,
Ни следа от муторной жары,
От которой в полдень травы вянут.

Спит телёнок в низеньком хлеву,
Куры спят рядочком на насесте.
Я в деревне лето проживу,
Мама, мы с тобою будем вместе

Хлопотать по дому и в саду,
По субботам мыться в жаркой бане,
Мыть в реке песком сковороду,
В зной - болтать в прохладе на веранде.

Утром, обжигаясь о росу,
На угор взбегу со свежей силой:
Земляники кружку принесу,
Как ты в детстве мне всегда носила.

Ты ж устала за день от хлопот,
Ноченьки короткие в июле.
Завтра новый жаркий день придёт.
Я с тобою посижу, мамуля...

НЕ СКРИПИ, КОРОСТЕЛЬ

Не скрипи так тревожно в ночи,
пастушок-коростель:
Нынче нет косарей,
что жарки на твои палестины.
И Петровки прошли -
на лугах разнотравных пустынно,
Только ветер, качающий сныть,
поднимает метель.

В деревушке осталось всего-то с десяток дворов,
И скотину столетним старухам
держат не по силам.
- Я на том пятаке для Бурёнушки сено косила...

- Выгоняли на пастбище раньше полсотни коров...
Ни костров, ни остожий,
ни пастбищ - старухам - куды?
Не слышать над покосом теперь
голосов человеческих.
Только тянутся к небу кипрея зажжённые свечи,
Да клубится туман,
как кадила незримого дым.

Неразбавленно крепко июльский полынный настой
На просёлках, где раньше исправно пылили «Колхиды»,
Коростель будет голосом сиплым
служить панихиду -
Неизбывную горечь по жизни крестьянской простой.

На кассетнике старом
опять нажимать на «репит»,
В исступлении слушаю песню про «травы по пояс».
Это тоже пройдёт - понимаю,
едва успокоюсь.
Не тревожь ты старух,
не трудись, коростель, не скрипи...

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

С улицы Бассейной

Осенним вечером сидел я дома и ремонтировал игрушечный самолёт новой модели. Сначала, конечно, пришлось разобрать лётное устройство до последнего винтика - для надёжности, - посмотреть, как там всё устроено: трубочки, болтики... А потом стал всё прикручивать обратно. И тут я заметил, что деталей явно не хватает - то одно крыло держится некрепко, то другое висит и качается. «Вот, - думаю, - рассеянные с улицы Бассейной, вроде на заводе работают, самолёты мастерят. А тут - тяп-ляп - и готово!» На таком-то все детали бы в воздухе отлетели. И крылья отвалятся. Очень я тогда разочаровался и даже расстроился... Наверно, поэтому и спать лёг ни свет ни заря - часов в одиннадцать. А чуть свет Мишка нарисовался.

- Давай, - говорит, - быстрее чисти зубы два раза, завтракай и бегом в школу.

Я всегда знал, что Мишку слушать - дело неблагодарное. Тем более в семь тридцать утра. Я ещё толком не проснулся, но успел, по его наущению, два раза позавтракать, зубы почистить и умыться. Наконец я собрался, и мы понеслись, как скоростные самолёты, в школу. Погода была замечательная, дождливая. На нас были резиновые сапожки, поэтому мы здорово залетали в каждую лужу и вибрировали: «У-э-э-э, у-э-э-э!» И, как настоящие пилоты, в школу прибыли без опоздания. За две минуты до старта.

- Ну, - говорит Мишка, - давай к математике готовиться. Задачи сверим...

А чего сверять, если я их готовыми из компьютера списал. И вообще, мне вчера некогда было - самолёт разобрал. Пока я портфель открывал, Мишка улыбался очень ехидно и что-то бубнил себе под нос, для важности. И что вы думаете? Опять он меня подвёл. «Вот тебе и жизнь, думай - не думай, а крепче держись». Жаль, конечно, что портфель оказался так странно собранным. А может, и не мой совсем?

ФОНАРИК

страница творчества
детей и для детей

Мишка подошёл ближе и стал пристально смотреть на меня, а потом на мой - или не мой? - портфель. Его глаза так бегали туда-сюда, что я чуть не разревелся. Такой кого угодно доведёт.

- Самолёт твой?

- Ну, мой!

- А ящик с гвоздями?

- Нет, - говорю, - не мой. Папин ящик, и гвозди тоже папины.

- Ну и что... - вынес приговор Мишка. - Папа твой, значит, и портфель твой.

Как раз в это время в класс вошёл учитель, и мы стали заталкивать ящик обратно в портфель. Папин ящик, как назло, гремел и пытался задавить самолёт. Между прочим, новый! А Мишка ещё бубнил, только уже шёпотом, что крылья у самолёта прикручены неправильно и ненадёжно. И даже вроде растягой меня назвал. Я сначала обиделся, а потом смотрю, ручку даёт, тетрадку подсовывает и учебником делится. С другом поделится - навечно подружится. Тог-

да я не удержался и пожал ему руку под партой. Впрочем, мы часто делаем так - и делимся, и руку пожимаем...

И весь день мы не расставались: то по общему учебнику читали, то в одной тетради решали, то сообща на перемене носились. Так до конца учебного дня и дотянули, но тут оказалось, что нужно ещё один урок пережить - физкультуру.

Путь до спортивного зала был мучительным, и мы с Мишкой шли к нему долго. И, наверно, пытались придумать мне оправдание, но тут мою рассеянность оправдать было нечем.

- Не дрейфь, - сказал друг Мишка, разглядывая свою спортивную форму. - Поделюсь!

- Одну штанину, что ли, оторвёшь? - решил от отчаяния съязвить я. - Или рукавом от спортивной куртки поделишься?..

Он долго возился, крутился, напихивал свои спортивные штаны и дёргал, видимо, поправляя, мою полосатую майку. Когда мой новый образ был готов, на меня стало страшно посмотреть.

- Как рассеянный с улицы Бассейной. Сквороды на башке только не хватает...

- У тебя штаны, - говорит Мишка, - а у меня куртка. Обе вещи спортивные. Будем стоять рядом, сольёмся с остальными.

И, набрав побольше воздуха, мы понеслись в спортзал, где все упражнения демонстрировали, будто близнецы. Это было необыкновенно сложно - чувствовать друг друга в такт. И становилось немножко жарко, а потом уже горячо. Но в журнале красовались пятёрки - тоже одинаковые, похожие на нас.

Мы шли домой, а на улице было солнечно и прекрасно. Только портфель мой был невероятно тяжёлый, набитый гвоздями.

- Больше не могу, - сказал я, - просто невероятная тяжесть. Как мы смогли делать такие сложные акробатические упражнения?

Мишка тяжело взвалил мой ранец себе на плечи. И я виновато посмотрел на него.

- Поможешь починить самолёт? Он, наверно, в портфеле совсем переломался.

- Конечно! - ответил Мишка. - Тем более у нас столько гвоздей!

Надежда Форостян - новый автор нашего «Фонарика». Она окончила Вологодский педагогический университет и работала журналистом регионального интернет-портала «Культура Вологодской области». Сейчас живет в Ростове-на-Дону.

Она победительница конкурса издательства «Нигма» «Напиши сказку о театре», публикуется в журнале «Мурзилка».

Тайны швейной коробки

В бабушкиной швейной коробке живут Удивительные Существа. Бабушка вынимает их из коробки по очереди и творит всякие чудеса. Цветные шарфы, пижамы с мишками, уютные носки, полосатые варежки. Как она делает их так быстро, не знает никто. Мама говорит, что у бабушки золотые руки. Я смотрю на бабушкины руки. А они самые обыкновенные: большие, теплые, домашние. Бабушка часто берет мои руки в свои и греет-греет. Они у неё, как печка...

Кто живёт в швейной коробке?

Иногда бабушка разрешает мне поиграть со своей швей-

ной коробкой. И тут начинается волшебство!

Я достаю из шкатулки пуговицы и раскладываю их по разным кучкам: круглые в одну сторону, квадратные в другую, треугольные в третью. Потом снова перемешиваю.

На столе расстилаю синюю ткань с рыбками - это широкая река. Повсюду разбрасываю пуговицы-островки, на которых обитают Удивительные Существа.

Наперсток выбирает себе большую круглую пуговицу. И живет на ней один, как царь. Он вечный ворчун и скряга. Разве с ним кто-то уживется?

На маленькой круглой пуговице толпятся тонюсенькие иглы. С ними тоже никто бы не смог жить. Потому что они жутко колючие.

На квадратных пуговицах вперемешку теснятся маленькие катушки с нитками, крючки, булавки, кнопки и прищепки.

На треугольной живет Мел. Тоже один, потому что всех постоянно пачкает. И с ним никто, совсем никто не хочет сидеть. Бедняга! Но белый Мел не грустит, а всё время спит. И видит цветные сны.

Невероятные приключения островитян

Все маленькие жители островов заняты важными делами. Они постоянно что-то убирают, чистят, стирают, варят. Этому

островитяне научились у моей бабушки.

Мимо них проплывает огромный зубастый крокодил - остроносые зеленые ножницы. Крокодил подплывает к каждому острову, открывает хищную пасть и громко кричит:

- Буууу!

Жители швейной коробки тоже неробкого десятка. Они прыгают на высокий корабль - уют - и скользят прямо навстречу страшному крокодилу. Хорошо, что уют холодный, а то крокодилу бы точно не поздоровилось!

- Бояться нечего, - решает Прищепка и спускается на воду.

- Какая маленькая, а смелая, - удивляются остальные.

Прищепка подбирается к крокодилу - он грозно щелкает зубами.

- Будешь знать, как маленьких обижать, - говорит она и зажимает крокодилу пасть.

Остальные островитяне накидывают на крокодила чехол и ставят его в угол. Пусть постоит и подумает о своем поведении!

- Ура-ура, - кричат жители швейной коробки и радостно обнимают друг друга.

Спокойной ночи, островитяне

- Лиза, пора ложиться спать, - говорит бабушка. Она гладит меня по голове и целует ладошки. Бабушка всегда так

делает, когда я остаюсь у нее в гостях.

- Бабуль, подожди немного. Сначала я уложу в кроватку своих островитян, - отвечаю я.

- Хорошо, - улыбается бабушка, и в уголках ее глаз появляются добрые лучики.

Как я люблю эти лучики! Я хочу собрать их в пучок и подкинуть до солнца. Пусть солнце узнает, что бабушка на него похожа...

Мои островитяне уже давно клюют носом в пуговицы. Да и у меня слипаются глаза. Жаль, что близится ночь. Но чем раньше я лягу спать, тем раньше начнется утро. Поэтому

- островитяне, все по местам!

Каждый житель швейной коробки знает свое место. И никто не спорит, никто не толкается. Иголки любят спать, уткнувшись носом в подушку. Ножницы - в розовом спальном мешке - чехле. Мел - в носовом платке, наперсток - в своем уголке. Катушки, крючки, булавки, кнопки и прищепки - поближе друг к другу. Так теплее.

Я укрываю их одеялом - синей тканью с планетами. Пусть им приснятся космические приключения!

Спокойной ночи, островитяне!

Николай Михайлович Соколов живёт в селе Куркино Вологодского района. Почти всю жизнь он работал в школе. Ирисовал. Рисует и по сей день. А ещё пишет воспоминания и рассказы о детстве, о родном селе, о жизни... Представляем читателям новый рассказ Николая Соколова с авторской иллюстрацией.

«Сенокос, сенокос,
Запах травный до слёз
Будит в памяти сладкое детство».

И. Истратов.

Деревня, где жили братья-погодки Федька и Алёшка, состояла из двадцати трёх дворов. Хозяйства держали разную живность, поэтому заготовка кормов в летний период была главной заботой её жителей. Сенокосждали, кто с волнением и даже какой-то тревогой, кое-кто с неохотой, но большинство всё-таки с надеждой на тёплую, солнечную погоду, с уверенностью, что удастся осуществить намеченные планы и на июль, и на весь предстоящий год. Не признавали в это время никаких праздников, застолий и складчин.

Вечером, после работы, отец мальчишек тщательно осматривал косы: проверял надёжность крепления полотён, отбивал лезвия, укреплял ручки. Подросткам было ясно: завтра с утра косить.

В шесть часов мать, Федька, Алёшка и их младшая сестрёнка дружно спустились с высокогорья крыльца своего добротного опущенного дома, брали приготовленные орудия труда и неторопливо шли на работу. Солнце было уже высоко, но ещё не прогретый утренний воздух освежающе действовал на работников, поднимал настроение и благоприятствовал самой работе. Где-то в высокой густой траве, негромко переключаясь, общались коростели. Высоко в небе заливался жаворонок. Из кустов по соседству доносился переливчатый свист малиновки. Марев застлало знакомые с раннего детства пейзажи, размывало очертания дальних строений, деревьев, лугов и перелесков.

- Эх, сбежать бы на речку и окунуться в её прозрачную студёную водичку, просто посидеть на лугу, вдыхая аромат цветущей липы и клевера, и насладиться приятными, никогда не надоедавшими мелодиями лета - так думали подростки, добравшись до участка, который им предстояло скосить в ближайшие дни.

Но совсем иные звуки, громкие, резковатые, зазвучавшие совсем рядом, возвращают юных работников в действительность. Мать, поточив косу лопаткой, делает первые взмахи. Федька с Алёшкой встают за ней и начинают гнать каждый своё прокосиво, стараясь не отстать от неё. Младшая из работников, Иришка, с небольшой ровно оструганной палкой ожидает появления первых валков, чтобы разбросать их ровным слоем на скошенном лугу. Тут же Алёшке вспоминаются стихи из школьной программы по литературе:

Раззудись, плечо!

Размахнись, рука!

Ты пахни в лицо, ветер с полудня!

- Чьи стихи, помнишь? - кричит он брату.

- Ты бы ещё ночью спросил! - слышится в ответ.

При каждом взмахе скошенная трава ровно ложится на землю, при очередном движении косы - сгребается ею в ровный валок. Ни нудных комаров и мошек, ни надоедливых паутов, ни навязчивых слепней, которые не дали бы поработать в дневные часы. Солнце пригревает всё сильнее, мальчишкам уже хочется на какое-то время скинуть рубашки, чтобы его жаркие лучи прикоснулись к спи-

не, плечам и оставили на них свой след. Прикрыв голову шляпами из газеты, маленькие труженики продолжают работу. Прокосы, остающиеся слева от них, уже не поддаются счёту. Скошенный луг увеличивается в размерах, четко выделяясь среди ещё нетронутых площадей.

«Вжик, вжик!» - раздаётся и на других покосах простая монотонная деревенская мелодия,

слушатели.

- Пожалуйста! Заготовка кормов в колхозе «Красное знамя» Вологодского района. На 1 июля заложено сочных кормов 1100 тонн. А вот ещё...

- По случаю Дня независимости шлём всему американскому народу искренние поздравления и пожелания. Москва. Кремль. Н. Хрущёв. Л. Брежнев. 4 июля 1962 г.

- Давай лучше программу передачу! - перебивает его Федька. Алёшка тут же, не меняя интонации, стараясь убрать оканье, продолжает имитировать:

- В программе передач ничего интересного для Орловых не ожи-

данно сменились эпизодами, когда родители впервые вручили им косу и терпеливо обучали премудростям владения ею. Научиться этому братьям не составляло большого труда. Их брали на покосы и раньше, но только вместо кос в руках они держали такие же палки-батоги, что сейчас у Иришки. Мальчишки успевали и валки разбить, и побаловаться, но вместе с тем, зная, что вскоре им придётся овладевать инструментом для взрослых, внимательно наблюдали за старшими.

- На пятку нажимай, на пятку нажимай, да много не захватывай, иначе гребешков наоставляешь,

единаясь и ловко, легко, как бы играючи, орудовала деревянными граблями.

- Как это я в такое время буду сидеть дома? - говорила она. - Всё побыстрее справитесь, вам нужно будет ещё скопнить до прихода отца, сегодня и метать придётся, дел немало, так что я всё равно пойду.

Часа в четыре работники брали всё необходимое и шли копнуть, а чуть позже, с приходом отца перетаскивали скопненное сено к подстожью.

- А зачем это подстожье? Без него хорошо, - спрашивали ребята.

- Что, забыли, какие дожди осеню бывают? Сено не будет отсыревать и гнить, - объясняла мать. - Не успеет. Увезут через месяц, - настаивали на своём сыновья.

- Запах бусели может появиться. Вот и окажется, что наше сено сгодится только на подстилку.

Мать взбиралась на основание будущего стога, принимала отца навильники с сеном, плотно укладывала и трамбовала его. Когда стог подрастал, для неё наступали самые сложные моменты, требовавшие опыта и сноровки: завершиться, положить ветрянку и сойти со стога.

Спустившись, она кричала отцу, державшему второй конец ветрянки:

- Всё! Отпускай! Приземлилась! Обходя стог, мать как бы принимала у себя работу, но изъёнов не находила. Отец всё это время молча наблюдал за ней, затем слегка улыбаясь и тоже оценил работу:

- Хоть и первый блин, но не комом.

- Хорошо подавал, вот и получилось, как надо, - похвалила его мать, - и ребята с бабушкой молодцы: всё высушили, скопнили и перетаскали.

Радостные и довольные труженики возвратились домой. Братья постояли у крыльца, прошли заулочек и оказались за околлицей близ горохового поля, куда они не раз наведывались в свободное время, чтобы сорвать несколько стручков, хотя мать и ругала их за это.

- Своего в огороде полно, - говорила она, - и намного вкуснее.

Поле было большое, за ним виднелся луг, на который начал садиться туман, становясь всё гуще и занимая всё большее пространство. Вот он слился в единое целое с небом, поглотив липовку. Так называли лес, начинающийся за лугом. Мальчишки ждали, когда туман доползёт до края поля, где они лакомились молочным горохом, но, так и не дождавшись, сорвали ещё несколько пузатых стручков «на дорожку» и отправились домой.

Кто-то из деревенских, продолжая готовиться к завтрашнему дню, настойчиво и упорно отбивал косы. Но и этот единственный нарушавший установившуюся деревенскую тишину звук вскоре прекратился. Деревня погружалась в сон.

- Какая будет завтра погода? - задавались вопросом Федька с Алёшкой, устраиваясь поудобнее в своих кроватях под марлевым пологом в горнице. Они пока не вникали в народные приметы в отличие от взрослых, которые, наблюдая за природными явлениями, уже получили точный и достоверный ответ на этот вопрос: раз выпала обильная роса, солнце село не в тучи, а ласточки и стрижи вечером летали очень высоко, значит, завтра будет вёдро. Всех снова ждал хлопотливый день.

Завтра будет вёдро

Николай СОКОЛОВ

Художник Н. Соколов

часто чередующаяся со звуками точильных брусков. Эти звуки то спугнут лягушку, заставляя её покинуть опасную территорию, то потревожат мелкую пичугу, которая резко взмывает ввысь и проворно скрывается в кустах. В такие моменты инструмент застывает в руках, и косцы, осторожно раздвигая траву, пытаются отыскать гнездо с птенцами, но напрасно. Птичка просто кормилась или пыталась спрятаться в тенистой траве от палящих лучей солнца. Вот с цветов, к которым подбирается металлическое остриё косы, нехотя взлетают два недовольных шмеля, но яркие краски и запах нектара соседних растений настолько притягательны, что они даже не пытаются оставить опасную территорию. Работникам приходится сбавить ритм, чтобы не нарушить их занятие. Проходит секунда, другая, и «тяжеловесы» исчезают из поля зрения.

- Пора залоговать, - говорит мать, вытирая заблестевшую от усердной работы косу пучком скошенной травы. Остальные труженики, не имея ничего против предложения матери, делают то же самое и откладывают свои орудия труда подальше, чтобы, не дай бог, не порезаться. Через мгновение с громким криком мальчишки падают на ещё не разбитый валок, небрежно набрасывают свёрнутые из газет шляпы на лица, чтобы защитить глаза от яркого июльского солнца. Даже при зажмуренных глазах у них невольно всплывает одна и та же картина: зелень лета и почти весь спектр красок, что разбрызгала на луговине природа. Лежа среди такого разнотравья, братья пытаются перечислить их названия: белокрылые ромашки, жёлтые лютики, фиолетовые колокольчики, конский шавель, клевер, вот, пожалуй, и всё.

- Манжетку не назвали, - вспоминает Алёшка. Отыскав в валке аккуратный круглый листочек с ровными зубчиками по краям, ласково обращается к нему:

- Прости, манжетка, забыли про тебя, хоты и пили с твоих листочков росу.

- Да, чего-то маловато перечислили! - признаётся Федька, и работники умолкают, но ненадолго.

Алёшка снимает с лица шляпу, разворачивает газету и, подражая дикторам радио, начинает делать обзор областной газеты «Красный Север» от 4 июля 1962 года, вызвав звонкий смех залоговавших:

- Пребывание товарища Н. С. Хрущёва на Румынской земле...

- Об этом мы слышали. А что-нибудь другое? - перебивают его

дается. Клуб приглашает посмотреть художественный фильм «Операция «Кобра».

- Кобра подождёт, - с улыбкой прерывает ребят мать, - может, часок ещё потяпаем? Хоть бы вёдро подольше постояло. Сразу бы и убрали всё.

- Мам, концерта по заявкам ещё не было, - раздаётся тонкий, чуть жалобный голосок сестрёнки, желавшей продолжения игры.

- В другой раз. Пока роса, надо ещё поработать, - спокойно отвечает мать.

Алёшка, ещё не успевший выйти из роли, намеревается продолжить, но его опережает Федька, решивший подыграть брату:

- Уважаемые радиослушатели, вместо объявленного ранее концерта по заявкам послушайте передачу о героях трудовых будней Орловых.

- Ну, раз герои, то дружно встанём и за работу, - повторно зовет мать.

Из-за навалившейся с непривычки усталости работники нехотя поднимаются. Но такое состояние проходит после нескольких взмахов косами.

Небольшой перелесок, высокие сочные травы, косцы, уверенно и умело держащие косы в руках - как это напоминает картину «Сенокос», по которой в школе на уроке русского языка ребята писали сочинение. Только возраст другой. На картине всё очень правдиво, верно и точно! Художник, наверное, сам сенокосил в молодом возрасте или перед тем, как запечатлеть это занятие на холсте. Так точно передать движение рук, выражение лиц, а также окружающую природу может только тот, кто сам принимал участие в этом трудоёмком деле. Какое богатство красок! Как всё реально и жизненно!

Мысли юных косарей неожи-

- слышались замечания наставников на первые робкие попытки учеников овладеть этим дивным старинным орудием труда.

Иногда родители подшучивали над начинающими косцами, оставившими прокосины:

- Сейчас петух-то клонет сзади!

Когда мальчишки впервые услышали про петушков, оглядывались назад и под дружный смех взрослых пытались отыскать этих домашних птиц, задаваясь вопросом, откуда они здесь взялись. Сноровку ребята приобрели уже через несколько дней, в ходе дальнейшей работы.

Слаженная семейная работа нравилась всем: сделаешь минутный перерыв, окинешь взглядом вокруг, помотришь на результаты своего труда, вдохнешь полной грудью воздух, наполненный летним ароматом свежескошенных луговых трав, повернёшься навстречу лёгкому ветерку, обнажив голову, плечи, грудь, - такое блаженство охватывает тебя.

Около девяти часов от росы не оставалось и следа. Косить становилось всё труднее. Не зря же говорили: «Коси, коса, пока роса»...

Вот и наши герои вынуждены были заканчивать работу и возвращаться домой.

Скошенная же трава, оставленная на луговине, требовала к себе особого внимания. Её сгребали в неширокие валки, шевелили, не допуская попадания под дождь. Это не очень интересная работа, чисто женская, как считали ребята. Они же, чувствуя себя уже мужчинами, включались в неё без особого энтузиазма. Приходила на помощь и бабушка. Ей было далеко за семьдесят, но, несмотря на уговоры не выходить в такую жару, всё же присо-